

Чжао Цзи твердо вознамерился сбавить этот проклятый трон кому-нибудь другому, пока тяжкое бремя власти не рухнуло ему прямо на голову!

— Господин Бай, завтра же пусти слух, что я ударился головой и начисто лишился памяти.

— Помилуйте, ваше высочество, ни в коем случае! — побледнев от ужаса, воскликнул господин Бай. Короткой ночной беседы ему вполне хватило, чтобы понять и расстановку сил в столице, и намерения Чжао Цзи. Он мгновенно раскусил план своего господина и поспешил его остановить.

— Почему? — недовольно спросил Чжао Цзи.

Господин Бай снова заколебался, разрываясь между преданностью и здравым смыслом.

Очевидно, чаша весов в его душе уже склонилась в одну сторону. Пусть он и не понимал, отчего князь так упорно противится столь заманчивой... перспективе, но понимал другое: взойди его господин на престол, и все обитатели поместья князя Дуаня в одночасье взлетят на самую вершину власти и почета. Своя рубашка ближе к телу, и господин Бай не был исключением. Впрочем, на сей раз его замешательство длилось недолго. Голос его зазвучал торопливо, почти скороговоркой:

— Это сочтут за крайнее непочтение к вдовствующей императрице Сян! Ее величество придет в неопишемую ярость!

Чжао Цзи проявил терпение:

— С чего бы?

Даже если слух поползет по городу, это разве что поставит императрицу Сян в неловкое положение, но до ярости-то дела не дойдет?

Господин Бай выразительно указал пальцем наверх:

— Во-первых, ее величество желает видеть на троне именно вас, ваше высочество. Сегодня она уже недвусмысленно дала это понять министрам. Если завтра объявят, что вы повредились рассудком, никто не сможет объяснить, как здоровый и невредимый князь сегодня среди бела дня посещал дворец. Во-вторых, даже если судить лишь по ее заботе о собственном клане Сян, вы для нее — единственный подходящий кандидат.

Потребовалось немало путаных объяснений Бая, прежде чем до Чжао Цзи наконец дошла вся суть дворцовых интриг. После того как император Чжэцзун преставился, перед Чжао Цзи в очереди на престол оставался лишь один старший брат. Но тот страдал тяжелым недугом глаз, так что о наследовании трона слепцу не стоило и мечтать.

Подходящих по возрасту претендентов было двое. Однако второй, Чжао Сы, приходился сыном наложнице Чжу. Императрица Сян ни за что не допустила бы, чтобы вслед за покойным Чжэцзуном, также бывшим сыном госпожи Чжу, престол занял еще один ее отпрыск. Если клан Чжу даст Поднебесной двух императоров подряд, они мгновенно возвысятся и сотрут в порошок стоящий за вдовствующей императрицей клан Сян.

Борьба за трон шла не только между князьями, но и между стоящими за ними могущественными родами.

Потому для императрицы Сян идеальным кандидатом оставался лишь Чжао Цзи — сын безвременно почившей талантливой наложницы Чэнь, выросший под ее личным присмотром.

В ее глазах других вариантов попросту не существовало.

И если сегодня Чжао Цзи предстал перед ней живым-здоровым, да еще и покрасовался перед придворными, а завтра вдруг объявит на всю страну, что расшиб голову и лишился памяти... Разгневанная императрица вполне может послать доверенных людей, чтобы те помогли его бедной голове пострадать уже по-настоящему.

Тут до Чжао Цзи с опозданием дошло, отчего во Дворце Драгоценного Милосердия, едва он заикнулся о падении в воду, на лице вдовствующей императрицы на мгновение промелькнуло недовольство.

Она ведь предупреждала его! Давала понять, чтобы сидел смирно и не глумил.

— Ах да, совсем забыл... Есть ведь еще Чуньлань, — господин Бай уже не мог сдерживать лихорадочного возбуждения. Он даже не заметил, как назвал наложницу князя по имени, что было верхом непочтительности.

Впрочем, Чжао Цзи тоже пропустил это мимо ушей, его голова все еще гудела от обилия новостей.

— Чуньлань?

— Девица, которую вдовствующая императрица прислала в ваше поместье, — мысленно господин Бай уже твердо решил завтра с утра пораньше зажечь благовония перед алтарем предков.

Он-то думал, что так и прозябает до конца дней своих в неизвестности, а тут на него свалился такой шанс! Помочь будущему владыке взойти на трон! Его жизнь круто изменится! Он взлетит до небес!

Чжао Цзи, напротив, мрачнел с каждой секундой. А ведь по дороге из дворца он еще

радовался! Чему радовался, дурак? Какая разница между смертной казнью на месте и отсрочкой приговора?

О, этот проклятый трон!

Эта невыносимая ноша!

Да пропади оно все пропадом!

А что, если просто сбежать?

Собрать все самое ценное в поместье и скрыться под покровом ночи?

Чжао Цзи крепко сжал губы, лихорадочно прикидывая шансы на успех.

Он поднялся, небрежно махнул рукой кланяющемуся господину Баю и, даже не взглянув на его сияющее от предвкушения скорого величия лицо, с мрачным видом вышел вон.

У дверей его по-прежнему дожидался лишь один слуга с фонарем в руках.

Увидев хозяина, малый поспешно поклонился и пристроился следом.

Ночь давно вступила в свои права. Чжао Цзи, точно неприкаянный призрак, нарезал круги по поместью. Вдруг он резко замер и обернулся:

— Кто у нас ведает деньгами?

Слуга, старавшийся держать фонарь так, чтобы господин не оступился в темноте, едва не врезался в него. С трудом затормозив, он испуганно выпалил:

— Супруга вашего высочества.

«Ну вот и все...»

Чжао Цзи мысленно вычеркнул из плана пункт с кражей ассигнаций.

Ладно бы он, самозванец, до смерти боялся встречи с законной супругой князя. Но даже отбросив страх — ввалиться посреди ночи в покои женщины и требовать выдать казну... Такое безумие сразу выдаст его намерение сбежать. Слишком подозрительно.

— А где находится сокровищница?

Слуга окончательно растерялся:

— В Восточном тереме, господин.

Чжао Цзи посторонился, коротко бросив:

— Веди.

— Ваше высочество желает осмотреть кладовые? Тогда я позову управляющего, чтобы тот отпер двери.

Слуги растолкали сонного управляющего. Двери отворились, являя взору сокровищницу, ломившуюся от золота, серебра, драгоценных уборов и резных ширм. Роскошь слепила глаза. Вот только громоздкие вещи унести незаметно было невозможно, а мелкие безделушки, как выяснилось, были штучной работой и вещами из императорских подношений. Сбыть такое добро без риска быть пойманным — задача невыполнимая. Стоит показать любую из этих вещиц перекупщику, как его тут же схватят стражники.

Чжао Цзи велел запереть двери и окончательно распрощался со своей затеей.

Невозможность раздобыть средства была лишь полбеды. Хуже другое — Чжао Цзи внезапно осознал, что без подорожной грамоты он в этом мире превратится в бесправного бродягу. Без бумаг его не то что из провинции — из столицы не выпустят!

Суровая реальность ставила его перед жестким выбором. Либо бежать ночью через стену, лишиться всякого статуса и документов, превратиться в бесправного беглого вора с мешком краденых сокровищ, которые нельзя продать... и обречь себя на бесконечный страх перед разбойниками, чиновниками и патрулями.

Либо смириться, остаться здесь и покорно ждать, когда завтра на него водрузят тяжелую императорскую корону.

Ему не хватало духу стать бесправным изгоем в чуждом, суровом средневековом обществе. Пришлось покориться неизбежному.

Остановившись у входа в небольшой сад, Чжао Цзи подставил лицо порывам холодного ночного ветра. Осознание собственной беспомощности перед лицом судьбы вызывало в нем лишь бессильную ярость. Обернувшись к сгрудившимся позади слугам, он сорвал на них злость:

— Стоять здесь! Никому за мной не ходить. Я хочу побыть один.

Слуги, число которых по дороге заметно увеличилось, испуганно зашептались:

— Но... ваше высочество...

— Что? — рявкнул Чжао Цзи, сузив глаза. — Мое слово для вас больше ничего не значит?!

— Помилуйте, господин, мы не смеем... — запричитали слуги.

Они замерли у дорожки, не решаясь ступить в сад, но и уйти не отважились, оставшись стоять безмолвными изваяниями у ворот.

На душе у Чжао Цзи кошки скребли. Эта безысходность перед лицом предначертанного давила на грудь тяжелым грузом. Но жизнь — штука суровая: когда тебе кажется, что хуже уже быть не может, знай, что у судьбы в запасе припасено еще немало сюрпризов.

Сперва он просто хотел найти тихое местечко и побыть в одиночестве.

Да где там! Сад буквально кишел желающими скрасить досуг одинокого князя.

Едва он поравнялся с декоративной горкой-альпинарием, как из темной ниши с кокетливым писком «Ой!» вывалилось нечто нежно-розовое. Существо с тихим стуком шлепнулось прямо к его ногам. Шёлковый пояс был нарочито ослаблен, обнажая нежное плечико, а лицо, освещенное тусклым светом фонарей, выражало смесь томного смущения и призывной покорности. С каменным лицом Чжао Цзи помог прелестнице подняться, после чего твердой рукой отодрал от себя цепкую девицу, решившую использовать удобный случай, чтобы прильнуть к его груди, и зашагал дальше.

Не успел он сделать и пары шагов, как впереди раздалось пение.

Петь посреди ночи! Да еще и тягучим, приторным голоском южной красавицы. Голос, может, и был нежным, да только у Чжао Цзи в голове навязчиво закрутился мотив из ужасика, над озвучкой которого когда-то трудилась его студия: «Я жду тебя, любимый, возвращайся...» Никакой романтики — лишь мороз по коже.

Вместо успокаивающей прогулки получился суший кошмар. Чжао Цзи поспешно свернул на другую тропинку.

Но стоило ему обогнуть очередную грудку камней, как ему прямо в лицо прилетел тонкий шелковый платок. На нем были искусно вышиты уточки-мандаринки и аккуратно выведены строчки: «Полог поднят — тоскует одинокий феникс, свеча задута — жаль опадающий цвет».

Только тут до Чжао Цзи дошло: его визит в сокровищницу всполошил не только управляющего,

но и весь гарем.

Раздраженно всучив платок вынырнувшей из полумрака девице, он мысленно проклинал прежнего владельца этого тела.

Сколько же баб этот мерзавец притащил в поместье?! Он что, скупил всех девиц из веселых кварталов Кайфэна?! Зачем так усердно поддерживать теневую экономику? Мальчик, тебе ведь всего шестнадцать, поберег бы почки!

Спасаясь от назойливого внимания распаленных наложниц, Чжао Цзи упрямо закусил губу.

«Да не может быть, чтобы во всем этом огромном дворце не нашлось хоть одного спокойного угла!»

И Чжао Цзи обратился в ночного призрака.

Он выбирал самые глухие, заброшенные тропки, пробирался сквозь тенистые гроты, уходя все дальше в глубь поместья.

Наконец, в стороне от огней и назойливых голосов, он приметил неприметную калитку.

Не раздумывая, Чжао Цзи шмыгнул внутрь.

Ночь только вступала в свои права, и большинство слуг в поместье еще бодрствовали, прислуживая хозяевам. Лишь чернорабочие — те, кто убирал нечистоты и вывозил ночные бочки, — ложились рано, ведь им предстояло подниматься задолго до рассвета.

Миновав заброшенный дворик, он очутился на пустыре. Рассмотреть в скупом лунном свете, для чего предназначался этот клочок земли, было трудно, но царившая здесь разруха бросалась в глаза.

А затем он наткнулся на пристройку кухни.

Никакого умысла в этом не было, он просто блуждал наобум, но, видно, сама судьба привела его сюда.

При виде поленницы у стены желудок Чжао Цзи отозвался протяжным, жалобным урчанием.

Когда не везет, то и на воде зубы обломаешь. На душе кошки скребут, так еще и под ложечкой сосет среди ночи!

Пусть Чжао Цзи и отказался от безумной мысли о побеге, звать слуг и заставлять их разводить огонь ему не хотелось. Он слишком дорожил этими редкими минутами покоя. Время, оставшееся его венценосному братцу до последнего вздоха, таяло на глазах, и нарушать тишину уходящей ночи суетой Чжао Цзи не желал.

Поразмыслив, он решительно переступил порог кухни, надеясь раздобыть хоть какую-то снедь.

Внутри шаром покати. Пошарив по полкам, он отыскал лишь кувшин козьего молока да немного меда.

Это показалось ему странным. Если княжеская кухня столь скудна, то как спасаются от голода полуночники? Неужели терпят? Не вяжется это с роскошным бытом знати. Но обстановка перед ним была явно кухонной.

Чжао Цзи и не подозревал, что забрел в полузаброшенную хибару, предназначенную под снос. Тем не менее ему улыбнулась удача: в одном из шкафчиков он обнаружил пригоршню крахмала.

Прикинув в уме рецепт, он с помощью огнива развел в очаге огонь. Развел крахмал в молоке, вылил смесь в котелок и принялся непрерывно помешивать. Когда масса начала густеть и собираться в мягкие комки, он выложил получившуюся массу на тарелку и полил сверху ложкой ароматного меда.

Настоящий жидкий моти — хит соцсетей!

Бывший офисный трудяга почувствовал небывалую гордость за свое кулинарное творение. Удерживая тарелку над гаснущими углями, он с удовольствием наблюдал, как глянцевый комок лениво перекатывается по дну. Он уже потянулся за палочками, как вдруг прямо над ухом раздался тихий, вкрадчивый голос:

— А это что такое?

Чжао Цзи подпрыгнул от неожиданности, и пальцы его разжались.

Тень за его спиной метнулась вперед с быстротой молнии и ловко подхватила падающую тарелку у самого пола.

Прижав руку к бешено колотящемуся сердцу, Чжао Цзи уставился на нежданного гостя — чумазого мальчишку в рваной одежде, возникшего словно из ниоткуда.

— Ты еще откуда взялся?! — в сердцах выдохнул он.

Мальчишке на вид было лет двенадцать-тринадцать. Нимало не смущаясь своего вторжения в чужие владения, он лишь приложил палец к губам:

— Тс-с! Потихе ты, всех слуг перебудишь!

Чжао Цзи прищурился. Первым порывом было позвать стражу и скрутить воришку, но его озадачила поразительная непринужденность незваного гостя. Чжао Цзи оглядел оборванца: карманы пусты, прятать краденое негде, видать, залез только что.

— Воровать пришел? — попытался припугнуть его Чжао Цзи. — В таких домах за кражу серебра забивают насмерть, ты в курсе?

Мальчишка презрительно фыркнул:

— Больно нужно мне ваше серебро. Я проголодался, а на улицах уже объявили комендантский час. Вот и залез в первое попавшееся поместье в поисках объедков. А тут ты... стряпаешь потихоньку. Пахнет, кстати, недурно!

Малец с видом умудренного опытом взрослого добавил:

— Тебе ведь тоже не хочется, чтобы тебя поймали за ночной готовкой? — слугам за подобные вольности обычно здорово доставалось.

— С чего ты взял, что я...

— Да ладно тебе, — отмахнулся паренек. — Если не прячешься, чего тогда свет не зажег? В темноте копошишься. Хватит зубы заговаривать, выкладывай лучше: что это за штука? Никогда такой диковины не видел.

Чжао Цзи невольно усмехнулся, глядя на этого маленького спорщика. Несмотря на грязь на лице, черты у мальчишки были тонкими и правильными, а глаза в полумраке горели живым, ясным огнем. Злость как-то сама собой улетучилась.

При слабом свете тлеющих углей малец наконец разглядел одежду собеседника и заметил, что ткань-то на нем дорогая и качественная.

В его глазах тут же вспыхнуло подозрение:

— Постой... Так ты сам вор?

— Вовсе нет, — буркнул Чжао Цзи.

— А чего тогда вырядился как господин, а сам по углам прячешься?

Видя, что паренек готов в любой момент броситься на него, Чжао Цзи на ходу сочинил ложь:

— Моя фамилия Бай. Я здешний советник, только из захудалых, хозяин меня не жалует. Одежда эта — так, для солидности, на деле же я гол как сокол. — «Прости, господин Бай, побуду тобой немного».

— Ладно, а сам-то ты как сюда пробрался? — поинтересовался Чжао Цзи.

— Да через лаз у задних ворот, — беспечно ответил малец.

Чжао Цзи подивился халатности стражи поместья князя Дуаня. Надо же, подкоп под забором проглядели!

Раз гость ответил на вопрос, Чжао Цзи сдержал слово:

— Это называется жидким моти. Вообще-то рецепт не совсем правильный. В идеале нужно свежее коровье молоко и соевая пудра. Моти должен быть тягучим, а пудра — нежной, шелковистой. Стоит положить в рот, как вкусы смешиваются и раскрываются. А мед — это так, замена от безысходности.

Маленький оборванец с любопытством ткнул палочкой в вязкую массу. Она тянулась, но не растекалась.

— Забавно, — пробормотал он.

Чжао Цзи решил, что тот сейчас все сметет, но мальчишка вдруг протянул тарелку обратно:

— На, ешь.

После чего уселся напротив, подперев подбородок ладонями, и приготовился наблюдать.

Чжао Цзи не собирался отбирать еду у полуголодного ребенка. Он мягко оттолкнул тарелку:

— Ешь сам, а я себе еще приготовлю.

Мальчишка расплылся в улыбке и принялся за еду. Чжао Цзи быстро сотворил вторую порцию и уселся рядом с ним прямо на земляной пол.

— Вообще-то я неплохо готовлю, — с легкой грустью заметил он. — Когда-то даже мечтал выучиться на шеф-повара, получить диплом, да родные не позволили. Пришлось стать обычным офисным рабом.

Малец орудовал палочками с невероятной скоростью, но успевал вставлять вопросы:

— Чтобы кашеварить, еще и экзамены сдавать надо? И что за зверь такой — «офисный раб»?

— Настоящее мастерство всегда требует проверки, — вздохнул Чжао Цзи. — А раб... считай, тот же писарь или мелкий советник, из тех, что гнут спину на хозяина за гроши. Кстати, как звать-то тебя?

Опустив пустую тарелку, мальчишка четко произнес:

— Хань Ци, имени у меня нет. Можешь звать просто Сяо Ци. Значит, ты и впрямь советник у князя?

— Он самый, — подтвердил Чжао Цзи. Подумав о том, что перед ним маленький нищий, у которого в имени есть семерка, он улыбнулся: — Семь — отличное число. Хорошее имя.

Мальчик удивленно вскинул голову:

— Это еще почему?

Чжао Цзи отставил посуду, отряхнул ладони и заговорщически подмигнул:

— Слыхал я об одном великом герое из цзянху по имени Хун Цигун!

Глаза паренька загорелись восторгом:

— Хун Цигун?! Тоже семерка в имени? Расскажи, ну расскажи!

Все равно уснуть Чжао Цзи сегодня не светило, а тяжелые мысли требовали хоть какой-то разрядки. И он начал свой рассказ под покровом уходящей ночи, вспоминая предания о Хун Цигуне. Когда он умолк, замороженный историей мальчишка спросил:

— А что дальше? Кто победил в схватке — Хун Цигун или Хуан Лаосе? Мне бы очень хотелось, чтобы верх одержал старик Хун.

Чжао Цзи обреченно уставился в темный потолок. Ах, если бы судьба забросила его в настоящий мир уся, полный романтики боевых искусств, а не в это осиное гнездо интриг!

Снова нахлынула тоска.

— Кто знает... Наверное, исход того поединка ведом лишь им двоим.

Мальчишка крепче сжал пустую тарелку, лицо его так и сияло восторгом:

— Я буду тренироваться не щадя сил! Стану таким же великим героем, как этот Хун Цигун! И возглавлю Банду нищих! Овладею техникой избиения собак и Восемнадцатью ладонями, покоряющими дракона! Звучит-то как гордо — Восемнадцать ладоней, покоряющих дракона!

Раззадорившись, он отставил тарелку в сторону.

— Знаешь, я ведь и сам на основе наставлений учителя придумал несколько приемов. И название им отлично подходит! Смотри, сейчас покажу!

<http://bllate.org/book/18987/1868806>